

Сургуладзе Вахтанг Шотович*, кандидат философских наук, ведущий эксперт Аналитической группы "С.Т.К.", докторант Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ.

Петровская Оксана Васильевна**, доктор исторических наук, главный редактор журнала "Проблемы национальной стратегии".

10.52311/2079-3359_2021_5_163

30 лет без СССР: государственное и национальное строительство на постсоветском пространстве¹

Монография "Падение СССР. Что стало с бывшими союзными республиками" актуальна не только в связи с 30-летием дезинтеграции Советского Союза и создания Содружества Независимых Государств, заставляющим переосмыслить события прошлого, но и в силу общей нестабильности внутри- и геополитического положения многих постсоветских стран. Книга заслуживает внимания также потому, что даёт представление об оценках процессов на постсоветском пространстве в ходе и после дезинтеграции Советского государства на Западе. Авторы книги – европейские исследователи. Томас Кунце – немецкий историк, глава представительства Фонда им. Конрада Аденауэра в Москве и Ташкенте, написавший ряд работ по истории Восточной Европы. В период дезинтеграции СССР Т. Кунце руководил Ведомством по делам иностранных граждан округа Лейпциг, куда обращались первые эмигранты из бывших союзных республик. Томас Фогель – швейцарский журналист и телекорреспондент.

Тридцатилетний опыт путешествий авторов по постсоветскому пространству сделал Т. Кунце и Т. Фогеля большими реалистами, чем можно было бы ожидать от типичных представителей Запада, нетерпимых к альтернативным идеологиям. Отличительная особенность их совместной монографии – преимущественно трезвый анализ внутривосточной ситуации и стратегических вызовов и угроз, с которыми сталкиваются бывшие союзные республики.

Издание интересно также с точки зрения понимания проблем, осложняющих на практике реализацию концепции Русского мира, поскольку в значительной степени исследование посвящено процессам нациестроительства и становления национальной идентичности в бывших союзных

* bafing@mail.ru

** petrovskaya@yandex.ru

¹ Рецензия на книгу: *Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР : Что стало с бывшими союзными республиками / Томас Кунце, Томас Фогель ; пер. с нем. М.А. Перегудова, К.М. Арыкбаевой. М. : Кучково поле, 2020. 288 с.*

республиках, языковая, культурная, историческая и мемориальная политика которых нередко размывает, вытесняет и обесценивает российский капитал культурного влияния.

Проведённый авторами ретроспективный анализ событий конца 1980-х гг. рисует печальную картину повсеместной добровольной сдачи интересов Советского государства и его граждан. В книге достаточно подробно рассмотрены процессы дезинтеграции СССР, начиная с отказа советского руководства от "доктрины Брежнева", ориентированной на сохранение Варшавского блока и тенденций декоммунизации Польши и Венгрии, до объединения Германии на фоне нарастания межнациональных противоречий в союзных республиках, революционных настроений в Прибалтике, политики гласности, вносящей раскол в советское общество и укреплявшей в нём центробежные силы. Анализируя процессы горбачёвской перестройки, европейские исследователи закономерно обращаются к опыту Китая, выбравшего путь экономических реформ.

Опыт и достижения СССР находятся в фокусе повествования о постсоветском периоде. Сравнивая две эпохи, авторы пытаются выявить потери и достижения стран, получивших независимость. Судьбы государств после 1991 г. рассматриваются через призму их взаимоотношений с Российской Федерацией, которая, как показано в монографии, остаётся связующим страны СНГ центром.

Изучая современные реалии постсоветского пространства, Т. Кунце и Т. Фогель констатируют сохранение блокового мышления у руководства бывших союзных республик. Среди разнообразных политических альянсов западные наблюдатели выделяют ОДКБ², ШОС и ЕАЭС³, а роль Содружества Независимых Государств фактически сводят к переходному механизму для достижения цивилизованного развода, смягчения дезинтеграционных процессов и их конфликтного потенциала. По мнению авторов, СНГ, выполнив свою функцию, достаточно быстро превратилось в фиктивную организацию⁴.

Советское наследие и ностальгия по СССР

Т. Кунце и Т. Фогель исследуют наследие Советского Союза в самых разных сферах жизни общества – от популярной культуры до оценки исторических деятелей и событий⁵. Авторы испытывают заметный интерес к личности И. В. Сталина, восприятию советского наследия и советской символики, к праздникам и мемориальным дням в бывших союзных республиках⁶. Маркером отношения к советским традициям для них служит сохранение либо демонтаж памятников В. И. Ленину⁷. Так, раньше других монументы убрали в Прибалтике, сносятся они на Украине, частично остались в Закавказье и достаточно мирно существуют в Молдавии, Белоруссии и России, занимая прежние места на центральных площадях городов.

² Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 99–100.

³ Там же. С. 100–101.

⁴ Там же. С. 92–102.

⁵ Там же. С. 33–40.

⁶ Там же. С. 230.

⁷ Там же. С. 41–43.

Много внимания исследователи уделяют Дню Победы в Великой Отечественной войне, отмечая, что подходы к его празднованию коррелируют с двусторонними отношениями постсоветских стран и современной России. По их мнению, важным фактором коллективной памяти в регионе продолжает оставаться война в Афганистане, на территории которого погибли граждане всех республик СССР⁸.

Среди сохранившихся примеров советского культурного наследия выделяются празднование 8 марта Международного женского дня и комедия Э. Рязанова "Ирония судьбы, или С лёгким паром!". Как пишут Т. Кунце и Т. Фогель, 31 декабря, когда фильм традиционно показывают по телевизору, "прибалты, россияне, кавказцы или уроженцы Средней Азии вновь чувствуют себя единым целым"⁹. Эксперты также обнаруживают в современном быту сложившиеся в советский период гастрономические предпочтения. Утверждая, что водка, например, продолжает оставаться наиболее популярным алкогольным напитком в постсоветских странах, авторы замечают, что в целом потребление алкоголя снизилось. Применительно к Средней Азии эту тенденцию западные наблюдатели объясняют исламизацией и увеличением спроса на наркотические средства¹⁰.

Ключевой вывод работы западных специалистов состоит в том, что рыночные реформы 1990-х гг. не привели к ожидавшимся большинством граждан СССР результатам¹¹. Исследователи скрупулёзно сопоставляют данные об уровне жизни в каждой из бывших союзных республик и констатируют поразительный разрыв соответствующих показателей постсоветских государств: "Профилактическая медицина и качество лечения больных во многих странах бывшего Союза значительно ухудшились по сравнению с советским периодом"¹². Аналогичные отрицательные тенденции, по утверждению Т. Кунце и Т. Фогеля, затронули и другие сферы. В частности, повсеместно снизился уровень развития науки и качество образования. "Научный ландшафт испортился... по всему бывшему Советскому Союзу", – утверждают авторы¹³. В ряде случаев это стало следствием политики новых властей. Например, С. Ниязов в 2002 г. сократил период школьного обучения до девяти классов, изъял из курса преподавания гуманитарные предметы, заменив их изучением произведения "Рухнама", и упразднил учёные степени¹⁴.

В числе важнейших причин снижения уровня социально-экономического развития постсоветских государств Т. Кунце и Т. Фогель выделяют упадок промышленности, обусловленный выходом из общесоюзной экономической системы. Авторы напоминают, что Армения, на территории которой в советскую эпоху размещались военные и машиностроительные заводы, предприятия химической промышленности и производство алюминия, утратила рынки сбыта и практически прекратила выпуск этой продукции¹⁵.

⁸ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 35.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 39–40.

¹¹ Там же. С. 265.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 256.

¹⁵ Там же. С. 195–196.

В Грузии в упадок пришла чайная промышленность¹⁶, а Молдавия потеряла уникальный статус поставщика винной продукции на гигантский рынок Советского Союза¹⁷.

В книге отмечены также высокий рост коррупции в социальной сфере и увеличивающийся разрыв в уровне прогресса бывших советских республик. Последний тезис авторы подтверждают сопоставлением количества интернет-пользователей в странах Прибалтики и таких государствах, как Таджикистан и Туркменистан.

Затрагивается в монографии известный феномен "гомо советикус" – *человека советского*¹⁸. Здесь важно отметить, что данное понятие, наравне с идеологемой "постсоветский синдром", сегодня превратилось для западных пропагандистов в излюбленное идеологическое клише, удобное для "объяснения" социально-экономических невзгод и любых проблем, с которыми сталкивается население постсоветских стран и государств, входивших в Организацию Варшавского договора¹⁹.

Авторы приходят к выводу, что на всём постсоветском пространстве период независимого политического существования характеризовался утратой людьми сложившегося социального статуса и снижением уровня жизни²⁰. При этом Т. Кунце и Т. Фогель оперируют данными репрезентативного опроса, проведённого в 2013 г. Институтом Гэллага в одиннадцати постсоветских государствах²¹, результаты которого продемонстрировали убеждённость большинства участников исследования в том, что дезинтеграция СССР изменила их жизнь в худшую сторону. Даже в Литве и Грузии авторы обнаружили следы ностальгии по советскому прошлому²². Иначе говоря, политика властей новых независимых государств, направленная на обретение и поддержание собственной национальной идентичности, не устранила присущую многим бывшим советским гражданам ностальгию

¹⁶ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 179–181. О социально-экономическом упадке Грузии в сравнительной перспективе см. также: Рейфилд Д. Грузия: Перекрёсток империй. История длиной в три тысячи лет. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2017. 608 с.; Сургуладзе В.Ш. Грузия: геополитика "перекрёстка империй" // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 199–215.

¹⁷ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 161.

¹⁸ Там же. С. 32–33.

¹⁹ Ср.: Зиновьев А. Гомо Советикус. Лозанна: L'Age d'Homme, 1982. 200 с.; Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. С. 15–30; Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю.А. Левады, Т. Шанина. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 328 с.; Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.; Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 664 с.; Сургуладзе В.Ш. Россия – США: векторы геополитической идентичности // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 239–243.

²⁰ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 40–41.

²¹ Армения, Азербайджан, Грузия, Молдова, Казахстан, Киргизия, Россия, Украина, Таджикистан, Туркменистан, Белоруссия.

²² Примером подобной ностальгии из нынешней российской действительности является постановка в 2021 г. на Камерной сцене им. Б.А. Покровского Большого театра оперетты Дмитрия Шостаковича "Москва, Черёмушки" режиссёра Ивана Поповски – сюрреалистической для современного мира картины оптимизма, наличия желаемого и, как казалось, достижимого "образа будущего" и ожиданий советского общества периода хрущёвской оттепели.

по СССР²³. При этом укоренившийся в массовом сознании образ своеобразного золотого века советской истории, ностальгические воспоминания об эпохе стабильности, социальной безмятежности и уверенности в будущем, утверждают Т. Кунце и Т. Фогель, вызывают опасения у олигархических элит на всём постсоветском пространстве, так как подпитывают завышенные социальные ожидания от власти и могут перейти в политическую плоскость.

Вместе с тем исследователи выделяют межпоколенческие различия в восприятии Советского государства: "Сегодня определённая часть пожилого населения, как и прежде, испытывает тоску по чувству защищённости и безопасности, царившему в советское время. А молодёжь, которая знает о Советском Союзе лишь со слов старших, мало интересуется политикой. Её заботят либо развлечения глобализированного мира, либо она занята вопросами банального выживания. Число молодых людей, которые ищут реализацию своих желаний за границей, неуклонно растёт. Надежды, депрессия, „новое богатство“, „новая бедность“ и ностальгия по СССР идут рука об руку"²⁴.

Постсоветское нациестроительство

Книга Т. Кунце и Т. Фогеля – своеобразный путеводитель по моделям нациестроительства в постсоветских государствах, для которых обретение независимости в границах советских республик оказалось совершенно новым опытом. Необходимость формирования собственной государственности и утверждения национальной идентичности сфокусировала внимание властей на личностях, этнических группах, политических структурах, когда-либо существовавших на данной территории²⁵.

Авторы останавливаются на том, что диссиденты союзных республик, внёсшие весомый вклад в разрыв их отношений с Москвой, после обретения независимости в большинстве случаев не смогли сохранить политический капитал. Вершины власти и руководящие посты в экономике в республиках преимущественно заняли бывшие функционеры Компартии, сосредоточившие в своих руках государственную собственность и сформировавшие местную олигархическую прослойку²⁶.

Анализируя непростые процессы создания государственности и идеологии новых постсоветских государств, западные авторы не обошли вниманием кризис идентичности и период аномии российского общества постсоветского периода²⁷. По мнению Т. Кунце и Т. Фогеля, историческая политика Российской Федерации при Владимире Путине адекватна решению задачи гармонизации исторического прошлого и настоящего, обеспечения преемственности между Советским Союзом и современной

²³ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 27–52.

²⁴ Там же. С. 266.

²⁵ Там же. С. 46–50.

²⁶ Там же. С. 60.

²⁷ Ср.: Сургуладзе В.Ш. Грани российского самосознания: Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России / 2-е изд., испр. и доп. М.: W. Vafing, 2010. 480 с.; Он же. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика. М.: Аналит. группа "С.Т.К.", 2019. 400 с.

Россией²⁸. Отмечается и роль Русской православной церкви в заполнении идеологической пустоты.

Исследователи затрагивают также сложнейшие дилеммы реализации государственной политики памяти и практики дерусификации общего историко-культурного наследия на Украине²⁹. В то же время в Белоруссии лишь непродолжительное время, между 1991 и 1995 г., предпринималась попытка поддержания национальной идентичности на базе интерпретации истории Великого княжества Литовского³⁰.

Авторов серьёзно беспокоит проведение на постсоветском пространстве *языковой политики*, ориентированной на вытеснение русского языка, хотя и разной степени интенсивности: "Подрастающее поколение в бывших союзных республиках – Грузии, Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане – всё реже говорит по-русски и плохо понимает его. Между тем в Армении, Казахстане и Кыргызстане русский язык всё ещё распространён повсюду". По мнению Т. Кунце и Т. Фогеля, утрата двуязычия молодым поколением граждан Таджикистана, Узбекистана или Азербайджана – невосполнимая потеря³¹, поскольку в мире, по имеющимся оценкам, проживает примерно 280 млн русскоговорящих людей. Исследователи отмечают, что в Грузии, Армении, на Украине и в Таджикистане существенно сократилось число русских школ и часов, отведённых на изучение русского языка³². Следствием же замены кириллицы на латиницу в Узбекистане стало то, что молодые люди не в состоянии прочитать газету, а родители не могут помочь детям сделать домашнее задание³³.

Т. Кунце и Т. Фогель не обходят вниманием дискриминацию русского языка на Украине³⁴. Особенно остро европейские наблюдатели критикуют националистическую языковую политику и нарушение прав русскоязычного меньшинства в Прибалтике: почти половина русского населения в Латвии и около четверти всех русских в Эстонии не имеют гражданства этих государств³⁵. Негласный отказ русских изучать латышский язык Т. Кунце и Т. Фогель объясняют так: "Это больше, чем просто заносчивость народа, который когда-то доминировал в Советском Союзе. Он является также реакцией на националистическую языковую политику... правительств маленькой Латвии"³⁶. В книге приводятся примеры подавления властями Латвии свободы слова и прав меньшинств, противоречий языковой политики страны со стандартами ЕС, подтверждением чему служит критика Латвии со стороны Европейского суда по правам человека³⁷.

²⁸ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 47.

²⁹ Там же. С. 48–49.

³⁰ Там же. С. 48, 127.

³¹ Там же. С. 29–30.

³² Там же. С. 52.

³³ Там же. С. 248. Постановлением кабинета министров Узбекистана от 10 февраля 2021 г. утверждена дорожная карта по полному переходу на узбекский алфавит, основанный на латинской графике, предусматривающая перевод на латиницу рекламы, интернет-ресурсов, средств массовой информации и продукции издательств. Все центральные и местные СМИ, издательства и типографии должны перейти на латиницу с декабря 2022 г.

³⁴ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 140–141.

³⁵ Там же. С. 53–97.

³⁶ Там же. С. 79.

³⁷ Там же. С. 79–80.

Авторы призывают республики Прибалтики обдумать и улучшить отношение к "своим" русским: "Государственная политика по дискриминации русского меньшинства, в особенности в стране Евросоюза, остаётся недоступной для понимания. До сих пор ни Эстония, ни Латвия не подписали Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств"³⁸.

Языковая политика руководства постсоветских государств, как утверждается в книге, стала одной из причин эмиграции сотен тысяч русских, в советское время занимавших ключевые посты в управленческой, научной, технической и культурной сферах. Это повлекло за собой образование заметного интеллектуального вакуума в республиках и перемещение в Российскую Федерацию в 1990-е гг. 7 млн русских (пик миграции пришёлся на 1994 г.).

Вместе с тем, с точки зрения авторов, преобладающее на севере Казахстана русское население успешно интегрировалось в новое государство. В целом после дезинтеграции Советского Союза русская диаспора остаётся самой крупной в мире и насчитывает порядка 25 млн чел., большинство которых (около 16–17 млн) проживает на территории СНГ. Инициативы же по репатриации соотечественников в РФ оцениваются как формальные, коррупционные и неэффективные³⁹.

Не меньший интерес Т. Кунце и Т. Фогель проявляют к активной политике реформирования *исторической памяти*, проводившейся средствами масштабных переименований улиц, сноса памятников в Узбекистане и Туркменистане, в то время как в Казахстане, Киргизии и Таджикистане было демонтировано сравнительно небольшое число монументов. Авторы подчёркивают, что борьба за интерпретацию прошлого постсоветских государств дополняется спецификой местного культа личности президентов, памятники которым заменяют бюсты В. И. Ленина и К. Маркса, а затем сами исчезают по причине прихода к власти нового лидера, как это произошло с "вождём туркмен" С. Ниязовым⁴⁰. Западные эксперты подвергают критике и спорное с научной точки зрения искусственное "удревнение" политической истории Украины, ярко выраженную украинизацию, сопровождающуюся законодательным регулированием трактовок исторических событий⁴¹.

Внешние игроки на постсоветском пространстве

Т. Кунце и Т. Фогель достаточно подробно описывают полномасштабную подрывную деятельность *Соединённых Штатов* на постсоветском пространстве, участие США в организации затронувших страны региона "цветных революций". Показывая, что ни одна из подобных попыток смены власти не принесла государствам стратегической стабильности, авторы, по сути, выносят обвинительный приговор практике реализации Западом такого рода стратегий.

³⁸ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 91.

³⁹ Там же. С. 51–52.

⁴⁰ Там же. С. 50.

⁴¹ Там же. С. 140–142.

Авторы вспоминают эксперимент США по созданию ГУАМ⁴² – блока антироссийски настроенных государств – и приходят к выводу, что эта попытка оттеснить Россию с геополитического пространства бывшего СССР провалилась. Пишут они и о том, что Содружество демократического выбора, созданное в 2005 г. В. Ющенко и М. Саакашвили на волне финансируемых Вашингтоном "цветных революций", не имело никаких социально-экономических, культурно-исторических и социокультурных предпосылок. Описывая эти и аналогичные события, западные исследователи подчёркивают полную дискредитацию "вестников надежды", которых лоббировали США в Грузии, Киргизии и на Украине⁴³.

Вмешательство Соединённых Штатов в дела независимых государств Центральной Азии, по мысли Т. Кунце и Т. Фогеля, несло угрозу исламизации республик и дестабилизации недемократических, по западным критериям, светских политических режимов. Авторы напоминают, что в рамках развернувшейся борьбы с международным терроризмом после терактов 11 сентября 2001 г. Киргизия и Узбекистан предоставили в распоряжение возглавляемого США антитеррористического альянса базы для снабжения войск на территории Афганистана⁴⁴. Однако наметившееся политическое сотрудничество не привело к углублению социально-экономических и культурных контактов. Закрытие американских военных баз в Узбекистане и Киргизии объясняется пониманием деструктивной роли США на постсоветском пространстве.

Анализируя внешнюю политику *Европейского союза*, Т. Кунце и Т. Фогель отмечают её фактическую несостоятельность. В силу громоздкой политической системы, как полагают эксперты, ЕС превратился в объект манипуляций Государственного департамента США, который определяет политику Евросоюза на восточном направлении⁴⁵.

Отношение Брюсселя к России после дезинтеграции СССР характеризовалось, по мнению авторов, удовлетворением от испытываемых страной экономических и политических трудностей при параллельных попытках захвата российского рынка сбыта для европейской продукции. Ретроспективный обзор диалога России с ЕС приводит Т. Кунце и Т. Фогеля к выводу о том, что попытки российского руководства добиться учёта национальных интересов РФ натолкнулись на последовательную политику Евросоюза и США по подрыву государственного суверенитета России, среди примеров которой – размещение системы противоракетной обороны в Польше и Чехии, переговоры с Грузией и Украиной о перспективах вступления в НАТО, череда государственных переворотов на постсоветском пространстве⁴⁶.

С точки зрения исследователей, проводимая с 2004 г. программа ЕС "Европейская политика соседства" (с 2009 г. – "Восточное партнёрство"), направленная на создание "кольца стабильных и дружественных государств", является механизмом внешнеполитической изоляции России⁴⁷,

⁴² ГУАМ – Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. В период участия в организации Узбекистана (1999–2005 гг.) использовалась аббревиатура ГУУАМ.

⁴³ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 95–96.

⁴⁴ Там же. С. 215.

⁴⁵ Там же. С. 97–99.

⁴⁶ Там же. С. 98.

⁴⁷ Там же.

хотя кризис на Украине и поумерил надежды участников "Восточного партнёрства" на интеграцию с ЕС.

Западные наблюдатели акцентируют внимание на двойных стандартах отношения ЕС к России, ставшей излюбленной мишенью для пропагандистских нравоучений о правах человека⁴⁸. Авторы подчёркивают, что США, Польша, Латвия, Литва и Эстония создали блок стран, тормозящих развитие диалога России с Европой. Прошедшие со времени падения железного занавеса три десятилетия показали, что сложившиеся идеологические предубеждения к России так и не были преодолены⁴⁹, до сих пор сохраняют востребованность возникшие в ходе холодной войны антироссийские клише⁵⁰.

В целом приводимый в книге анализ внешней политики коллективного Запада на российском направлении заставляет вспомнить исторический период между мировыми войнами, когда вокруг Советской России создавался "санитарный кордон" из поддерживавшихся силами Запада лимитрофных государств с антисоветскими режимами.

Привлекла внимание Т. Кунце и Т. Фогеля внешнеполитическая деятельность *Турции* в Центральной Азии, рассматривающей Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Туркменистан (а также Азербайджан) в качестве важного направления взаимодействия на базе языкового и этнокультурного родства тюркских народов. Однако, по оценке исследователей, политическая активность Турции после 1991 г. достаточно быстро стала купироваться элитами новых независимых республик, не пожелавшими видеть в лице Анкары старшего партнёра, но готовых к расширению торговых и финансово-экономических связей. Западные наблюдатели утверждают, что Турции не удалось закрепиться политически, но экономические контакты прочны, и заслуга в этом во многом принадлежит туркам Германии⁵¹.

Т. Кунце и Т. Фогель подчёркивают, что внешнеполитическая и экономическая активность Турции и КНР в Центральной Азии контрастирует с крайней пассивностью и не отвечающей геополитическим реалиям риторикой европейской дипломатии. Авторы вспоминают, что в 2007 г. Европейским союзом была разработана центральноазиатская стратегия, где ни разу не упоминалась Россия, хотя без её участия невозможно решение ни одной из зафиксированных в документе проблем, а с 1996 по 2019 г. регион не посетил с официальным визитом ни один еврокомиссар. Вследствие этого именно Россия воспринимается в Центральной Азии как реальный внешнеполитический партнёр⁵².

Прибалтика

Т. Кунце и Т. Фогель показывают, что странам Прибалтики, население которых в наибольшей степени стремилось выйти из состава СССР, не удалось избежать многих вызванных его распадом проблем социально-экономического развития: уровень коррупции был выше, чем в советский

⁴⁸ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 99.

⁴⁹ Там же. С. 15–16.

⁵⁰ Там же. С. 28–29.

⁵¹ Там же. С. 207–208.

⁵² Там же. С. 209.

период, сильнее всего эта тенденция проявилась в Литве и Латвии. Предприятия обанкротились, возникли серьёзные диспропорции между бедными и богатыми, начался массовый отток населения в другие государства ЕС. Однако, как видно по книге, логика национализма не ограничивается рациональными соображениями и экономическим детерминизмом и Прибалтийские страны готовы платить высокую цену за независимость⁵³.

Современную *Литву* Т. Кунце и Т. Фогель характеризуют как консервативное католическое государство⁵⁴. Не случайно авторы прослеживают истоки антироссийской ориентации президентов В. Ландсбергиса, В. Адамкуса (литовца-эмигранта, работавшего на американские спецслужбы) и Д. Грибаускайте (проходившей переподготовку в США). При этом антироссийский вектор внешней политики объясняется в книге не только действиями Запада и компрадорской сущностью элит постсоветских государств, но и желанием многих политиков "загладить" своё коммунистическое прошлое, сотрудничество с КГБ и другими общесоюзными организациями⁵⁵.

Раздел о *Латвии* в большей мере посвящён историческим корням нынешних проблем. Тот факт, что среди 1,9 млн жителей страны латыши составляют лишь 62 %, авторы связывают с переселенческой политикой И. В. Сталина в послевоенный период⁵⁶. Исследователи усматривают в переводе крупных промышленных предприятий, комплектованных русскими рабочими, только стремление утвердить в республике советскую власть, недооценивая масштабные инвестиции Советского государства в социально-экономическое развитие Прибалтики. Следует отметить, что Т. Кунце и Т. Фогелю в целом присущи скептические интонации в отношении результатов сталинской индустриализации, превратившей СССР в промышленно развитую державу⁵⁷.

Дискриминацию русскоязычного населения в современной Латвии исследователи связывают с практикой героизации нацизма и легионов СС, отмеченных массовыми зверствами и преступлениями против человечности: "Совместно с латышскими коллаборационистами нацисты убили от 70 000 до 80 000 евреев. В подразделениях СС были латышские соединения, в том числе и Латышский добровольческий легион СС. В 1998 году парламент Латвии объявил 16 марта Днём памяти латышских воинов... Лишь после массовых протестов, прошедших по стране и за границей, этот день был исключён из списка памятных дат. Однако в Риге... ветераны Латышского легиона СС до сих пор продолжают выходить на шествие"⁵⁸.

В монографии показано, что не менее агрессивную политику памяти, направленную на переоценку итогов Второй мировой войны и переписывание истории, проводят власти *Эстонии*. В этой республике дискриминация русского меньшинства затрагивает и частную жизнь. Русские обязаны указывать свои имена и фамилии в соответствии с нормами государственного

⁵³ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 58–64.

⁵⁴ Там же. С. 63.

⁵⁵ Там же. С. 66.

⁵⁶ Там же. С. 76.

⁵⁷ Там же. С. 121–122.

⁵⁸ Там же. С. 77.

языка, у них нет ни избирательного права, ни права поступить на государственную службу⁵⁹.

Европейская часть СНГ

В главе, посвящённой *России*⁶⁰, Т. Кунце и Т. Фогеля преимущественно интересует приватизация, в ходе которой горстка людей "смогла присвоить себе исчисляемое миллиардами богатство, которое во всём мире никогда ещё не доставалось кому-нибудь за такой короткий период"⁶¹.

В меру своего понимания западные исследователи пытаются объяснить процесс воссоединения Крыма с Россией, однако демонстрируют в этом вопросе неосведомлённость относительно подоплёки событий и культурно-исторического, нравственного значения полуострова для РФ. В их интерпретации "большинство россиян считают, что после присоединения Крыма восторжествовала историческая справедливость – в качестве утешения за потерянную в 1991 году позицию великой мировой державы"⁶². Авторам было бы полезно глубже изучить вопрос, в частности выяснить, что Севастополь – легендарный город русской воинской славы, а земля Крыма пропитана кровью поколений русских людей, защищавших свою страну от общеевропейского нашествия периода Крымской войны XIX столетия и во время Великой Отечественной войны.

Как и большинство западных наблюдателей, сталкивающихся с неудобными для них фактами, Т. Кунце и Т. Фогель объясняют внешнеполитические действия России не анализом конкретных социально-экономических, геополитических, демографических и иных обстоятельств, а абстрактным указанием на наукообразное пропагандистское клише – "постимперский" или "постсоветский синдром".

Признавая авторитет В. В. Путина внутри страны, Т. Кунце и Т. Фогель останавливаются на политических судьбах российской оппозиции. Интересуют авторов и история исламского терроризма, и война в Чечне. Характеризуя страницы кровавой летописи террористических актов, сотрясавших Российскую Федерацию, исследователи приводят оценки многочисленных западных НКО и СМИ, оправдывавших эти атаки. Примечательно, что в книге чётко фиксируется изменение риторики в отношении РФ после того, как с исламским террором столкнулись сами страны Запада⁶³. Подобные примеры попыток объективного анализа информационной политики коллективного Запада на российском направлении могут вызывать только уважение.

Проблемы современной *Украины* Т. Кунце и Т. Фогель также связывают с результатами советской национальной политики, констатируют цивилизационную разделённость страны на запад и восток, переросшую с 2014 г. в настоящую гражданскую войну. Авторы не замалчивают неприглядные страницы украинской истории периода Второй мировой войны:

⁵⁹ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 91.

⁶⁰ Там же. С. 103–124.

⁶¹ Там же. С. 106–108.

⁶² Там же. С. 114.

⁶³ Там же. С. 114–119.

"Когда в 1941 году немецкий вермахт напал на Советский Союз, многие западные украинцы приветствовали немцев как освободителей. Тысячи людей заявили о своей готовности вступить в печально известную дивизию СС „Галичина“ и участвовали в убийстве евреев"⁶⁴.

Исследователи считают, что "оранжевая революция" 2004 г. затронула самое больное место России: "Многие русские тогда почувствовали: чем больше сегодняшняя Украина обращается к Западу, тем больше исторических корней утрачивает Россия"⁶⁵.

Анализируя треугольник Россия – Украина – Запад, Т. Кунце и Т. Фогель указывают на ангажированность освещения происходивших событий в западных СМИ: "Когда во время протестов в Одессе в мае 2014 года погибло более 40 человек, западные медиа полностью дискредитировали себя"⁶⁶.

Авторы считают, что очаг напряжённости на Украине – потенциальная угроза стратегической стабильности Европы, а значит, и всего мира. "Так или иначе, – полагают Т. Кунце и Т. Фогель, – той Украины, что была с 1991 по 2013 год, пожалуй, больше никогда не будет"⁶⁷.

В отношении *Белоруссии* западные исследователи не проявили особой прозорливости. По мнению авторов, гарантом стабильности и независимости республики, "не имевшей опыта устойчивого независимого политического существования", является А. Лукашенко, "несмотря на то, что его часто считают препятствием на пути к новому подъёму страны". Значимую роль в сохранении режима А. Лукашенко они придают хаосу, царящему на Украине, наглядно демонстрирующему населению, какими могут быть последствия политической дестабилизации⁶⁸.

Для современной *Молдовы*, по мнению Т. Кунце и Т. Фогеля, характерен межпоколенческий мировоззренческий разрыв: молодое поколение не понимает, почему половина населения страны хочет вернуться в советские времена⁶⁹. Данная социокультурная особенность закономерно дополняется напряжёнными поисками национальной идентичности⁷⁰ в условиях социально-экономической отсталости, сепаратизма Приднестровья и Гагаузии⁷¹, мощного культурно-политического влияния Румынии⁷². В качестве доказательств ориентации Приднестровья на Россию авторы приводят политику памяти, реализуемую в республике, сохранение советских памятников и символики⁷³, а также результаты референдума 2019 г., на котором 97 % избирателей проголосовали за присоединение к России⁷⁴.

Западные эксперты считают, что, как и большинству населения бывших союзных республик, независимость мало дала молдаванам: "Молодёжь покидает страну – или на Запад, или в Россию"⁷⁵.

⁶⁴ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 137–139.

⁶⁵ Там же. С. 143–145.

⁶⁶ Там же. С. 151–152.

⁶⁷ Там же. С. 153.

⁶⁸ Там же. С. 135–136.

⁶⁹ Там же. С. 154–155. См. также: "Богадельня" Европы // Там же. С. 154–156.

⁷⁰ Там же. С. 157.

⁷¹ Там же. С. 158–160.

⁷² Там же. С. 160–162.

⁷³ Там же. С. 158–159.

⁷⁴ Там же. С. 160.

⁷⁵ Там же. С. 161.

Т. Кунце и Т. Фогель не берутся прогнозировать будущее Молдавии, Украины и Белоруссии, учитывая их цивилизационную разорванность между Западом и Россией⁷⁶.

Закавказье

В части книги, посвящённой *Азербайджану*, авторы демонстрируют схематичное видение национальной политики Советского Союза, интерпретируемой ими исключительно односторонне – в качестве "диктатуры", основанной на переселении народов, игре на противоречиях между ними и произвольном установлении границ⁷⁷. Подобный подход слишком упрощает сложные реалии национальной политики как Российской империи, так и Советского Союза⁷⁸. Правда, противореча самим себе, авторы в отдельных частях книги отмечают факт мирного сосуществования в границах единой страны народов с непохожей историей и культурой: "Оглядываясь на прошлое, удивляешься тому, что такие разные в религиозном и культурном плане народы Советского Союза в значительной степени мирно жили рядом друг с другом в одном государстве"⁷⁹.

Опасность для политического режима современного Азербайджана западные эксперты видят в высокой безработице молодёжи и растущем демографическом давлении: средний возраст населения составляет 27 лет. Такие же демографические факторы риска были характерны для стран "арабской весны", к ним аналитики добавляют распределение сырьевых сверхдоходов между представителями тонкого слоя азербайджанской элиты⁸⁰.

В отличие от исламских государств региона, христианская *Грузия*, как подчёркивают Т. Кунце и Т. Фогель, демонстрирует отрицательные демографические показатели. Если во времена СССР население республики насчитывало 5 млн чел., то в 2019 г., согласно приводимым авторами данным, его численность составила всего 3,72 млн⁸¹.

В описываемых в книге перипетиях новейшей истории Грузии обращает на себя внимание объективное освещение вооружённого конфликта августа 2008 г., когда западная пресса как по команде безоговорочно приняла позицию развязавшего агрессию против Южной Осетии грузинского правительства, Грузии пообещали членство в НАТО, а госсекретарь США К. Райс выступила с антироссийским заявлением. Лишь позже

⁷⁶ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 163–164.

⁷⁷ Там же. С. 169.

⁷⁸ О проблемах реализации национальной политики в Российской империи и Советском государстве существует обширная научная литература, не дающая оснований для однозначных выводов и трактовок. См., напр.: *Тольц В.* "Собственный Восток России": Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 332 с.; *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 332 с.; *Мартин Т.* Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН; Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина", 2011. 662 с.; *Сургуладзе В.Ш.* Грани российского самосознания: Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России.

⁷⁹ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 176.

⁸⁰ Там же. С. 174.

⁸¹ Там же. С. 178.

выяснится, пишут Т. Кунце и Т. Фогель, что на Западе ошиблись в М. Саакашвили, который сам начал конфликт. Исследователи справедливо утверждают, что нестабильность во всём регионе создали проамериканская ориентация Грузии и её пренебрежение благоразумными отношениями со своими соседями, в особенности с Россией⁸². Описанная в книге ситуация – очередное доказательство того, что в каждом кризисе оценки США и ЕС основываются на предубеждении к Российской Федерации.

В связи с этим интересен отражённый в монографии подход к воспитанию прозападной политической агентуры: при выраженном стремлении кандидата противостоять России Запад готов смириться даже с его эмоционально-психологическими отклонениями⁸³. Т. Кунце и Т. Фогель описывают пристрастное отношение западного политического истеблишмента к своим ставленникам и агентам влияния: образ М. Саакашвили начал меркнуть лишь по прошествии длительного периода, несмотря на то что он довольно быстро стал авторитарным правителем, "так же, как и его коллега из Белоруссии, велел силовым путём разогнать демонстрантов в Тбилиси, требовавших его отставки", а за время пребывания в должности президента растратил несколько миллионов долларов⁸⁴.

Т. Кунце и Т. Фогель фиксируют возвращение России с 2014 г. в тройку важнейших торговых партнёров Грузии, но полагают, что инспирированные грузинским правительством антироссийские акции делают перспективы развития двусторонних связей неясными.

В разделе об *Армении* исследователи рисуют удручающую картину: инвестиций в технологическую модернизацию ждать неоткуда, экономика монополизирована, государственные институты коррумпированы, после обретения независимости из страны эмигрировал миллион граждан, в Армении же преимущественно остаются дети, женщины и люди пожилого возраста. К тому же в постсоветский период начался рост заболеваний туберкулёзом⁸⁵. Особое опасение у западных экспертов вызывает судьба введённой в эксплуатацию в 1970-е гг. атомной электростанции вблизи г. Мецамор: срок её службы истекает в 2026 г., и на ней уже произошло несколько аварий.

В то же время авторы считают, что после "бархатной революции" 2018 г. положение в стране стало "ощутимо меняться к лучшему"⁸⁶. По всей видимости, в оценке данного события проявляется привычный для западных либеральных наблюдателей оптимизм, которого, казалось бы, должно было поубавиться, учитывая плачевные практические результаты многих "цветных революций", к которым Т. Кунце и Т. Фогель неоднократно возвращаются в своей книге.

Авторы правы в том, что ключевая проблема внутренней и внешней политики современной Армении связана с Нагорным Карабахом⁸⁷. Однако

⁸² Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 185–186.

⁸³ Там же. С. 182–183. См. также: Сургуладзе В.Ш. Опыт западных научно-образовательных структур по формированию лояльных кадров из числа прошедших стажировку иностранцев // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 6 (33). С. 82–99.

⁸⁴ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 186.

⁸⁵ Там же. С. 197.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 191–192.

произошедший уже после выхода книги вооружённый конфликт 2020 г. в Нагорном Карабахе, в котором Армения потерпела поражение, не внушает оптимизма относительно политических перспектив государства, существование которого в значительной степени поддерживают армянская диаспора и Россия⁸⁸.

Центральная Азия

Т. Кунце и Т. Фогель констатируют ключевую роль Советского Союза в появлении на политической карте мира современных независимых республик Центральной Азии: "До образования СССР этих государств не существовало. Средняя Азия была разделена на ханства и эмираты – государственные образования из кланов... родовых союзов, обитавших на огромном пространстве Туркестана"⁸⁹. Западные аналитики не подвергают сомнению то, что Советский Союз принёс в регион колоссальный прогресс: "Без советской власти в Средней Азии сегодня, возможно, существовали бы феодальные структуры, схожие с Афганистаном, – это очевидно большинству, пусть даже ни один из официальных представителей пяти республик, ставших в 1991 году независимыми, не скажет об этом открыто"⁹⁰. Приведённый в монографии исторический экскурс о достижениях советской эпохи сегодня имеет огромное значение, поскольку в Центральной Азии наблюдаются тенденции усиленного отмежевания от советского прошлого и отрицания созидательной роли Российской империи и Советского Союза в развитии региона.

На оценку авторами книги политических режимов в Центральной Азии, несомненно, повлияли последствия "арабской весны" – миграционные потоки и рост террористических угроз со стороны исламистов, с которыми пришлось столкнуться Европейскому союзу. Исходя из этого, Т. Кунце и Т. Фогель признают стабилизирующую роль центральноазиатских республик, полагая, что влияние исламского фундаментализма, близость Пакистана и Афганистана превратили эти страны со светскими политическими режимами в последние бастионы на пути радикальных исламистов в Россию и Европу. "Ни для России, ни для Европы, – подчёркивают западные наблюдатели, – опасность со стороны этих государств не исходит"⁹¹, так как их руководству до сих пор удавалось справляться с радикально-исламистскими течениями.

Характерные для региона авторитарные формы правления и большую близость к России, чем к Западу, авторы книги обуславливают сохранением традиций в повседневной жизни, но при этом выступают против проведения в регионе реформ по западному образцу. Т. Кунце и Т. Фогель пишут: "Те, кто призывает к преобразованиям, в определённой степени играют с огнём... давление извне вряд ли приведёт к чему-нибудь хорошему. Оно скорее оставит за собой хаос, который в наше время наблюдается в странах Среднего и Ближнего Востока, в Сирии, Ливии, Ираке и т.д."⁹²

⁸⁸ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 195–197.

⁸⁹ Там же. С. 198.

⁹⁰ Там же. С. 200.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 199–200.

Европейские исследователи полагают, что для Туркменистана, Казахстана и Таджикистана сегодня характерно непомерное восхваление президентов, но западные наблюдатели демонстрируют готовность мириться с этими фактами, поскольку из двух зол – светского авторитаризма и исламского фундаментализма – предпочитают первое, хотя и в данном случае не могут удержаться, чтобы не использовать в своих размышлениях либеральные идеологемы о свободомыслии и демократии.

При этом авторы отмечают межэтнические противоречия, низкий уровень сотрудничества и постоянное соперничество государств Центральной Азии в условиях, когда перед регионом стоят объективные проблемы, решение которых невозможно без совместных усилий. Одна из таких, требующих координации проблем – борьба с наркотрафиком. Часто возвращаются Т. Кунце и Т. Фогель к Ферганской долине, характеризующейся, с их точки зрения, наибольшим конфликтным потенциалом в Центральной Азии⁹³, описывают противоречия из-за водных ресурсов, споры по вопросам интерпретации истории.

Тот факт, что на фоне других постсоветских государств динамика развития *Казахстана* выглядит неплохо, авторы объясняют наличием нефти и газа, благодаря которым удалось преодолеть последствия распада общесоюзной промышленности и оттока квалифицированных специалистов⁹⁴. Исследователи также высоко оценивают либеральную экономическую политику Н. Назарбаева, которая, несмотря на широко распространённую коррупцию, вывела страну в экономические лидеры региона⁹⁵.

Самым важным партнёром Казахстана западные аналитики называют Россию, хотя и замечают признаки настороженности в отношении её активной внешней политики: "После начала украинского кризиса в 2014 году в среде молодых казахских политиков наступила определённая перемена взглядов. Многие из них считают, что нынешняя позиция России зачастую слишком доминантна". И всё же Т. Кунце и Т. Фогель не ожидают принципиальной смены приоритетов на российском направлении, даже в условиях растущих экономических связей с КНР⁹⁶.

Авторы выделяют Казахстан и по сравнительно большей, нежели в других государствах СНГ, представленности этнических русских в бюрократической системе, несмотря на растущую казахизацию и поэтапную замену алфавита с кириллицы на латиницу. В целом Т. Кунце и Т. Фогель с оптимизмом смотрят на будущее развитие Казахстана, отмечая меньшую на фоне других центральноазиатских республик угрозу исламского экстремизма⁹⁷.

Киргизию среди всех государств Центральной Азии, в интерпретации Т. Кунце и Т. Фогеля, выделяет личность первого президента – учёного-физика А. Акаева, который не был представителем советской партийной номенклатуры и с начала своей политической деятельности ориентировался на реализацию рыночных реформ и развитие демократии. Однако

⁹³ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 216–218.

⁹⁴ Там же. С. 203–205.

⁹⁵ Там же. С. 207.

⁹⁶ Там же. С. 209.

⁹⁷ Там же. С. 209–210.

и он, по оценкам авторов, с течением времени из реформатора превратился в классического авторитарного правителя⁹⁸.

Западных наблюдателей закономерно привлекают проблески демократии, которые они связывают, например, с Р. Отунбаевой и А. Атамбаевым⁹⁹. При этом "вспышки демократии" оцениваются скорее как исключение, чем как правило. Анализируя тенденции политического развития Киргизии, авторы книги приходят к выводу, что во главе государства регулярно оказываются антидемократы. Иначе говоря, будущее киргизской демократии для них остаётся под вопросом¹⁰⁰.

Т. Кунце и Т. Фогель обращают внимание на угрозу потери Киргизией суверенитета из-за накопившихся внутренних противоречий, коррупции, межэтнической напряжённости, государственной политики идентичности, ущемляющей права узбекского меньшинства. "В случае повторного возникновения... кровавых эксцессов, как в 2010 году, – пишут авторы, – устойчивость центральной власти окажется под вопросом. Юг страны может обратиться в этом случае к Узбекистану, а север – к Казахстану"¹⁰¹.

Западных экспертов особенно беспокоит исламизация широких слоёв населения, с которой не борются власти. По мнению наблюдателей, тяжёлое социально-экономическое положение населения и "отсутствие национальной идеи создают в Кыргызстане вакуум, который с готовностью заполняет религия"¹⁰². Однако выхода из этой ситуации авторы закономерно не предлагают, так как понимают, что демократизация не может решить проблем государств с кризисным состоянием экономики, высоким уровнем межэтнической напряжённости, внутривластной нестабильности и крайне уязвимым геополитическим положением.

К особенностям *Таджикистана* в книге отнесены сохранение высокого уровня бедности, дефицит пахотных земель, наркотрафик, проходящий через республику из Афганистана в Россию и ЕС. Т. Кунце и Т. Фогель констатируют трудность объективной оценки террористической обстановки на границе Таджикистана и Афганистана, поскольку правительство центральноазиатской республики препятствует публикации соответствующих данных, но делают вывод, что дислоцирующаяся в Таджикистане российская 201-я военная база не влияет на эффективность контроля за состоянием афганско-таджикской границы¹⁰³. Это достаточно спорный вывод, учитывая, что сам факт нахождения там вооружённых сил великой державы отчасти нивелирует провокации и перспективы разрастания региональной нестабильности.

Особую озабоченность западных наблюдателей, размышляющих о перспективах превращения Таджикистана в теократическое государство, вызывает расширяющееся радикальное исламское движение¹⁰⁴. При этом они считают, что Таджикистан является страной, масштабно, системно и

⁹⁸ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 212–215.

⁹⁹ Там же. С. 222.

¹⁰⁰ Там же. С. 225.

¹⁰¹ Там же. С. 222.

¹⁰² Там же. С. 224.

¹⁰³ Там же. С. 233–234.

¹⁰⁴ Там же. С. 230–232.

целенаправленно на законодательном уровне борющейся с исламизацией: "Количество легальных мечетей неуклонно снижается. Доступ детей к мечетям... запрещён... на родину были возвращены сотни студентов, изучавших теологию за границей. В 2009 году... был издан закон, запрещающий носить бороду преподавателям"¹⁰⁵. Однако авторы отмечают усиление противоположной тенденции: всё более популярными становятся исламские имена, за решением проблем люди предпочитают обращаться к исламским институтам и авторитетам, а не в государственные органы, которым не доверяют¹⁰⁶. По оценкам западных наблюдателей, опасность для сохранения в Таджикистане светского политического режима представляет имеющий сильное культурное и геополитическое влияние Иран¹⁰⁷.

Узбекистан, где власти активно противодействуют исламизации, в интерпретации Т. Кунце и Т. Фогеля, выступает гарантом стабильности беспокойного региона¹⁰⁸. В то же время авторы свидетельствуют: "Экономическое положение в стране и особенно в Ферганской долине ухудшилось, социальная ситуация остаётся напряжённой. Всё больше молодых людей попадают в сети организации „Хизб-ут-Тахрир“¹⁰⁹, которая стремится к созданию на территории Ферганской долины исламского халифата"¹¹⁰.

По мнению западных аналитиков, приход к власти Ш. Мирзиёева ознаменовался некоторой либерализацией, однако переход к более открытой экономике – вынужденная мера в силу бедности, стремительного роста населения, свыше половины которого моложе 30 лет, массовой трудовой эмиграции в Россию, Турцию и Казахстан¹¹¹.

Т. Кунце и Т. Фогель, описывая развитие *Туркменистана*, неохотно, как они полагают, вышедшего из состава СССР¹¹², отмечают, что реалии жизни существенно отличаются от того стратегического будущего, которое могли бы обеспечить стране четвёртые по величине в мире запасы газа. Более того, авторы характеризуют изменения в социокультурной сфере республики как катастрофические, считают постсоветское поколение Туркменистана "потерянным"¹¹³.

Пристальный интерес вызывает у экспертов фигура "туркменбаши" С. Ниязова¹¹⁴, как наиболее одиозного и харизматичного представителя плеяды центральноазиатских автократов. Авторы указывают на неприсоединение Туркменистана к антитеррористической коалиции после 11 сентября 2001 г., поскольку С. Ниязов поддерживал отношения с режимом талибов в Кабуле¹¹⁵.

¹⁰⁵ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 235.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 235–236.

¹⁰⁸ Там же. С. 242–243.

¹⁰⁹ Организация, запрещённая в Российской Федерации.

¹¹⁰ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 248–249.

¹¹¹ Там же. С. 249–250.

¹¹² Там же. С. 252.

¹¹³ Там же. С. 256–259.

¹¹⁴ Там же. С. 251–256.

¹¹⁵ Там же. С. 260.

Масштабный план модернизации страны до 2030 г., который представил сменивший С. Ниязова Г. Бердымухамедов, по мнению исследователей, нереалистичен, так как в условиях отсутствия нормативно-правовой базы, неконтролируемой коррупции, негибкости и непрозрачности политической структуры рассчитывать на приток иностранных инвестиций не приходится. При этом сохраняется плановый централизованный характер экономики, хотя в Конституции 2008 г. были закреплены положения о свободном рынке.

Т. Кунце и Т. Фогель оценивают социальное расслоение туркменского общества как невысокое, поскольку при С. Ниязове "население почти бесплатно пользовалось водой, газом и электричеством, топливом, а годовая ставка ипотечного кредита составляла 1 % при сохранении 5-летней отсрочки по выплате основного долга"¹¹⁶. Однако в 2017 г., замечают авторы, наблюдались факты задержки зарплаты газовикам и нефтяникам. Тарифы на коммунальные услуги – газ, электричество, воду – стали расти, так же как и стоимость продуктов при дефиците ряда товаров. Тем не менее огромные бюджетные средства продолжают направляться на возведение монументальных архитектурных объектов.

Перспективы

Авторы рисуют картину нестабильности и тревожных перспектив для постсоветского пространства, при этом прямо заявляя, что им трудно прогнозировать политическое будущее стран, вышедших из СССР, из-за стремительности происходящих в мире изменений.

Т. Кунце и Т. Фогель стараются показать европейцам всю тяжесть трансформационных процессов, выпавших на долю постсоветских государств, полагая, что в Восточной Европе после 1989 г. всё проходило намного мягче¹¹⁷. Для них очевидно, что ЕС и Запад в целом больше не могут делать вид, будто существуют в самодовлеющем ценностном вакууме. Многолетнее изучение постсоветского пространства позволило исследователям осознать, какой геополитической катастрофой общемирового масштаба может грозить его дестабилизация на почве внедрения абстрактных принципов либеральных ценностей, демократии и прав человека в специфическом, навязываемом коллективным Западом понимании.

Монографию отличает явная озабоченность угрозами исламского терроризма. Это, по всей видимости, обуславливает оптимизм авторов в вопросах перспектив взаимодействия Российской Федерации с коллективным Западом: "Ледниковый период в отношениях между Западом и Россией... не может длиться долго. США, Европейский союз и Россия стоят перед одинаковыми угрозами... Необходимо решать серьёзную задачу – создавать новую структуру безопасности в XXI веке"¹¹⁸.

Завершая книгу, европейские исследователи выражают надежду на то, что через 20 лет "неразрывно связанная с европейской культурой

¹¹⁶ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 261.

¹¹⁷ Там же. С. 266.

¹¹⁸ Там же. С. 123–124.

и цивилизацией" Россия сможет войти в состав Большой Европы. Если это произойдёт, полагают Т. Кунце и Т. Фогель, у многих стран исчезнут поводы для политических метаний между двумя геополитическими центрами. Подобный масштабный сценарий интеграции западные наблюдатели считают необходимым для общей борьбы с радикальным исламом и терроризмом¹¹⁹.

Вывод авторов типичен и традиционен. В период перестройки и дезинтеграции СССР на Западе постоянно твердили о принадлежности России к Европе, но на практике все заверения были лишь пропагандой, удобным механизмом самоликвидации главного геополитического соперника. Характерно, что и на этот раз, описывая сценарий "общего будущего", Т. Кунце и Т. Фогель не отводят России самостоятельной роли, предлагая стране примерить образ геополитического и идеологического придатка Запада.

Однако не только исторический опыт перестройки не позволяет возлагать особые надежды на перспективы "общеевропейского дома". Интеграцию с Западом в его нынешней идеологической оболочке, неприемлемой для России, делают невозможной агрессивный диктат меньшинств, атеизм и воинствующее неуважение религиозных, семейных и иных веками формировавшихся морально-нравственных ценностей. Перспективы Большой Европы в этом контексте не отвечают и стратегическим задачам обеспечения национальной безопасности РФ. Понимание данного факта нашло отражение в целеполагающих документах государственного стратегического планирования Российской Федерации, в том числе в подписанной В. В. Путиным 2 июля 2021 г. новой Стратегии национальной безопасности¹²⁰, в которой появился раздел, посвящённый защите культурного суверенитета¹²¹.

* *
*

В книге, изобилующей фактическими данными, закономерно встречаются неточности. К ним можно отнести статистические показатели, характеризующие национальный состав населения в бывших республиках Советского Союза. В ряде случаев оценки выглядят завышенными, но могут и искусственно занижаться официальной статистикой новых независимых государств. Многочисленные неточности касаются дат событий. Например, авторы регулярно смешивают факты подписания документов с реальным претворением их в жизнь. Однако подобные несовпадения данных и оценок не отменяют того, что авторы книги попытались представить системную картину происходящих на постсоветском пространстве социально-политических процессов.

¹¹⁹ Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР... С. 122–124.

¹²⁰ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 31.08.2021).

¹²¹ Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти (ст. 84–93) // Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400).

Работа западных наблюдателей не лишена идеологической предвзятости, однако её следы носят не злонамеренный характер. Главное в исследовании Т. Кунце и Т. Фогеля – его предметность, структурированность и логика изложения. Оно представляет собой достойное справочное издание по постсоветскому пространству.

Ключевые слова: *дезинтеграция СССР – постсоветское пространство – политика идентичности – нациестроительство – политика памяти – политическая история конца XX – первых десятилетий XXI в.*

Keywords: *disintegration of the USSR – Post-Soviet space – identity politics – nation-building – memory politics – political history at the end of the XXth century and first decades of the XXIst century.*